

Е. А. ФЛЕЙШИЦ

**ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
ПО ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ**

В двух томах

Том 1

**СТАТУТ
МОСКВА 2015**

УДК 347
ББК 67.404
Ф 71

Председатель редакционной коллегии серии
д. ю. н., профессор Е.А. СУХАНОВ

Зам. председателя редакционной коллегии
генеральный менеджер проекта,
к. ю. н., доцент В.С. ЕМ

Редакционная коллегия:
д. ю. н., профессор В.В. ВИТРЯНСКИЙ
д. ю. н., профессор А.Е. ШЕРСТОБИТОВ
д. ю. н., профессор Н.В. КОЗЛОВА
А.Г. ДОЛГОВ

Ответственный редактор тома
д. ю. н., профессор А.Л. МАКОВСКИЙ

Флейшиц Е.А.

Ф 71 **Избранные труды по гражданскому праву.** В 2 т. Т. 1. — М.: Статут, 2015. — 512 с.

ISBN 978-5-8354-1192-4 (Т. 1) (в пер.)

ISBN 978-5-8354-1191-7

Ученица И.А. Покровского и М.Я. Пергамента, доктор юридических наук, профессор Е.А. Флейшиц — одна из самых крупных и ярких фигур в отечественной цивилистике XX столетия. Блистательный оратор, выдающийся университетский педагог, одна из создателей Основ гражданского законодательства 1961 г. и ГК России 1964 г. Е.А. Флейшиц оставила обширное научное наследие, избранная часть которого предлагается читателю в двух томах.

Главным в научных интересах Е.А. Флейшиц, человека глубоких демократических убеждений, всегда были субъективные права личности и их защита. В первом томе читателю впервые полностью открывается одна из самых важных и лучших работ Е.А. Флейшиц — ее докторская диссертация о личных неимущественных правах, ставшая основой всех последующих отечественных исследований в этой области. Главные идеи этой монографии затем развиты автором в работах о конкретных институтах и отраслях гражданского права. Одна из них — часть книги «Авторское право», одного из томов «Курса советского гражданского права» — также вошла в настоящий том.

УДК 347
ББК 67.404

Спонсором настоящего издания
является компания «Союзинвест»

ISBN 978-5-8354-1192-4 (Т. 1)

ISBN 978-5-8354-1191-7

© А.Л. Маковский, вступ. ст., составление, 2015

© О.Ю. Шиловост, список науч. тр., 2015

© Издательство «Статут», редподготовка, оформление, 2015

Екатерина Абрамовна Флейшиц

(очерк жизни и творчества)

Длинная жизнь заставляет пересмотреть не одно сложившееся в молодости суждение, не одну произведенную в молодые годы оценку. Сохранить при этом нетронутым безоговорочное уважение к тем, у кого ты в молодости учился, гордиться своими учителями невзирая ни на какие переоценки – это одна из прекраснейших жизненных удач. Может быть, более прекрасная, чем возможность гордиться своими учениками. Ибо гордость достижениями учеников не вовсе свободна от мысли о самом себе: что-то и ты для этих достижений сделал. Гордость учителями проникнута одной лишь светлой благодарностью к ним, к жизни, которая привела тебя на пути этих людей.

*Е.А. Флейшиц. Из неоконченных воспоминаний
о М.Я. Пергаменте (рукопись)*

Замечательный человек интересен не только деяниями, оставившими след. Породивший эти деяния феномен гениальности, таланта, выдающихся человеческих качеств или способностей всегда будет требовать ответов на вопросы: а как же это произошло, из каких жизненных обстоятельств – благодаря или вопреки им, как – с помощью или преодолевая сопротивление каких людей и сил – возник феномен «замечательного человека» и как сделано им то, что вызывает признательность многих поколений? В поисках ответов на эти совсем не праздные вопросы важным становится все, что окружало героя, всё и все, с чем и с кем он соприкасался. Такими поисками уже тысячелетия занимается литература под общим названием «жизнеописания».

Екатерина Абрамовна Флейшиц была замечательным человеком, достойным хорошего жизнеописания. Вероятно, лучше всего это сделать могла бы она сама, оставив воспоминания. Ценность своих

воспоминаний Е.А. понимала. В 1962 г., за шесть лет до смерти, она писала:

«...Я знаю не лишённые общественного интереса вещи, которых не знает почти никто, а некоторых не знает никто, кроме меня. Многое из того, что могу рассказать, не лишено интереса для истории царского суда, а суд — всегда хороший показатель состояния общества, в котором он действует. Многое интересно для истории правового положения женщин в России. Наконец, события, с которыми оказалась связана моя молодость, позволили мне узнать много людей, игравших незадолго до Октябрьской революции не последнюю, а некоторые — видную роль в политической жизни России, в русской науке. Когда случается вспомнить вслух отдельные черты или эпизоды пережитого, слушатели находят, что это интересно «само по себе»... Мне кажется, что стоит попытаться превратить «слушающих» в читающих то, что я могу рассказать».

За этими словами, написанными в школьном альбоме для рисования, следует десяток страниц, исписанных стремительно бегущим почерком Е.А., и на том все кончается. Текст обрывается на полуслове, а на следующих страницах уже пишутся замечания на книгу Б.Б. Черепашина о правопреемстве. Несколько раз, в разных блокнотах Е.А. начинает дневник, но на второй-третьей записи он обрывается, а дальше идут выписки из иностранных книг, проекты заключений на законопроекты, отзывы на диссертации и т.п. Долг и интерес к делу всегда оказываются сильнее интереса к себе.

Существует несколько работ, в том числе небольших публикаций о Е.А., написанных близко знавшими ее людьми. Но работы С.Н. Братуся¹ и А.И. Пергамент² в основном посвящены изложению научных взглядов Е.А., оценке ее трудов, характеристике ее педагогического и ораторского дара и почти не затрагивают ее интереснейшую жизнь в науке, преподавании, обществе, ее отношения с коллегами, друзьями, учениками. Написанная в отличие от этих работ эмоционально ярко статья моего друга Виктора Дозорцева, одного из любимых Е.А. учеников, дает в целом верное представление о личности Е.А., обри-

¹ См.: *Братусь С.Н.* Научная деятельность Екатерины Абрамовны Флейшиц // Ученые записки / ВИЮН. Вып. 9. М.: Госюриздат, 1959. С. 3–12. Статья написана в связи с 70-летием Е.А.

² См.: *Пергамент А.И.* Доклад на заседании Ученого совета ВНИИ советского законодательства 5 февраля 1968 г., посвященном 80-летию Е.А. Флейшиц (рукопись).

сованной с большой теплотой. Но заканчивает статью автор словами: «...Я пишу о том, что врезалось мне в память, без обращения к источникам. Не сомневаюсь, что многое я пропустил...»¹.

Только статья Гертруды Николаевны Полянской, для Е.А. – любимой «Трудочки», «Начало жизненного пути», несмотря на живость слога, написана как произведение научное и основана на обращении автора к большому числу источников. Она охватывает очень важное время в жизни Е.А., но время это – всего лишь несколько лет².

Тем не менее все перечисленные публикации имеют особую ценность: сообщаемые в них факты достоверны, даже когда не подкреплены ссылками на источник: они наверняка получены из первых рук³.

В настоящем очерке делается попытка собрать воедино то, что уже известно о жизни Е.А., пополнить это своими воспоминаниями и тем, что удалось почерпнуть из немногих оставшихся после смерти Е.А. бумаг.

* * *

Впервые о «Катюше» я услышал в начале зимы 1942 г. в Москве, где волею судьбы оказался в эвакуации вместе с семьей архитектора Льва Владимировича Руднева и сестрой жены Л.В. и моей тетушкой Натальей

¹ Дозорцев В.А. Всегда первая // Правоведение. 2008. № 6. С. 182–193. Там же (с. 194–201) помещена самая полная из опубликованных библиография Е.А. – «Список трудов Е.А. Флейшиц», составленная О.Ю. Шиловостом. Статья не была опубликована при жизни автора: Виктор хотел ее доработать и даже дал мне экземпляр рукописи для предварительного разговора, но, встречаясь чуть ли не каждый день, мы так и не выбрали для этого время.

² См.: Полянская Г.Н. Начало жизненного пути // Ученые записки / ВНИИ советского законодательства. Вып. 14. М.: Госюриздат, 1969. С. 5–33.

³ Сергей Никитич Братусь был знаком с Е.А. еще со времени защиты ею докторской диссертации в ВИЮНе (1939). Все годы совместной работы в ВИЮНе (1943–1968) их связывали очень хорошие отношения глубокого взаимного уважения. Александра Иосифовна Пергамент (1903–1990) и Гертруда Николаевна Полянская (1906–1981) знали Е.А. со своих детских лет. А.И. была племянницей учителя Е.А. – Михаила Яковлевича Пергамента, в семье которого воспитывалась. Г.Н. была дочерью профессора Николая Николаевича Полянского, известного русского специалиста по уголовному процессу, знакомство Е.А. с которым восходит еще ко времени ее парижского студенчества. Виктор Абрамович Дозорцев (1928–2003) был с 1951 г. аспирантом Е.А. в ВИЮНе. Возможно, он был знаком с Е.А. и немного раньше: цивилист Абрам Владимирович Дозорцев, отец Виктора, преподавал на юридическом факультете Института внешней торговли, деканом которого была Е.А.

Михайловной Михайловой (в действительности двоюродной бабушкой), до войны — довольно известной ленинградской адвокатессой.

Однажды, придя вечером домой, тетя Наташа радостно сообщила: «В Москве Катюша Флейшиц, она живет в «Метрополе», и я завтра к ней иду». На следующий вечер она вернулась с рассказами о том, как Катюша попала из блокадного Ленинграда в Москву, о трудных или трагических судьбах многих общих ленинградских знакомых, о блокаде и принесла подаренную ей книгу. Книжкой этой, на обложке и авантителе которой значилось, что это VI-й выпуск «Ученых трудов» Всесоюзного института юридических наук Наркомюста СССР, в действительности была монография Е.А. Флейшиц «Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран». На первой же за обложкой чистой странице была дарственная надпись: «Дорогой Наташеньке от искренне любящего автора. Москва, 2.XI.42 г.».

Книга эта, тщательно переплетенная, давно стоит в книжном шкафу на полке, отведенной для книг почему-либо особо ценных. Но тогда и книга эта, и сама неведомая мне «Катюша» вряд ли меня заинтересовали. Запомнилось все это потому, что для нас, несколько месяцев как выбравшихся из блокадного Ленинграда, всякая тянувшаяся оттуда ниточка была важной. Необычным же было то, что в гостинице, оказывается, можно жить постоянно, как в квартире. Может быть, я обратил внимание на непонятную надпись в подаренной книге: над фамилией автора лиловыми чернилами было выведено по-печатному: «Только для служебного пользования. № 8».

Где истоки знакомства моей тети Наташи и Е.А.?

Мир петербургской (потом — ленинградской) интеллигенции был тесен¹. Тем более тесен был петербургский мир людей одной профессии. Уже в университете я обнаружил, что тетя Наташа знакома со многими моими преподавателями старшего поколения — Л.И. Картужанским,

¹ По разговорам старших казалось, что все в этом мире знакомы: кто-то с кем-то или с братом кого-то учился в гимназии, состоял в дальнем родстве, бывал в одних и тех же домах, отдыхал в Коктебеле или в Профессорском уголке и т.д. и т.п. Известные фамилии произносились в семье часто и обыденно. У прадеда М.С. Морозова лечился Всеволод Гаршин, старшая дочь М.С. — бабушка Соня — была хорошо знакома с писателем Алексеем Чапыгиным, ее сестра — тетя Наташа — с художниками А.Е. Яковлевым, А.П. Остроумовой-Лебедевой, Е.С. Кругликовой. Л.В. Руднев был в родстве с Тиме и Конашевичами, все откуда-то знали Лозинских, часто звучала фамилия Шушаевых, в какой-то компании с Ираклием Андрониковым бывали то ли мама, то ли ее сестры. Список можно было бы продолжить, если бы не память...

Н.В. Рабинович, Я.М. Магазином. Ровесница Екатерины Абрамовны, окончившая Бестужевские курсы в надежде стать адвокатом, она просто не могла не знать о непосредственно ее касавшемся «деле Флейшиц» и, скорее всего, уже тогда была знакома с Е.А.

Но была еще одна связывавшая их нить, о которой мне известно уже достоверно. Тетя Наташа жила в доме на Таврической, 15. Фасадом этот дом выходит на Кирочную, она в него как будто упирается, делая поворот к Суворовскому проспекту. Года полтора перед войной и я жил у нее здесь, в квартире на четвертом этаже. А три окна невысокого бельэтажа слева от парадного принадлежали квартире Николая Абрамовича Райгородского — тогда главным образом адвоката, позднее — доктора наук, профессора университета, автора, кажется, первой советской монографии по изобретательскому праву. Тесному знакомству тети Наташи с Райгородскими способствовало то, что у Н.А., человека необычайно трудолюбивого и порядочного, но за пределами профессии скучноватого, была удивительная жена. Фани Давыдовна была человеком тонкого ума и вкуса, редкой душевной теплоты, живым и мягким в общении. Небольшого роста, уже полноватая, Ф.Д. в молодости, наверное, была красива. Большие для этой миниатюрной женщины, немножко близко посаженные близорукие глаза придавали ее лицу какую-то незащищенность. Е.А. и Ф.Д. были именно подругами. Ровесницы, обе они происходили из состоятельных провинциальных еврейских семей. Обеим родители дали европейское образование. У обеих были неудачные первые замужества. И обеих постигла трагедия: их лишили сыновей. Но если Е.А. сама отправила сына за границу и вскоре оказалась навсегда от него отрезана, то у Ф.Д. первый муж сына украл и увез из России. Многолетние попытки Райгородских разыскать мальчика ничего не дали. Кажется, какие-то неточные сведения появились в конце 30-х годов, но в то время искать родного человека за границей уже стало подобно шагу на эшафот.

Вероятно, поэтому всю любовь Ф.Д. перенесла на их с Н.А. сына — Юру¹. Мы были знакомы с Юрой с пяти лет и дружили вплоть до моего переезда после окончания университета в Москву.

¹ Жизнь, судьба каждого человека, тем более семьи, может быть сюжетом романа: дело не в героях, а в сочинителе. Но есть судьбы, которые при этом могут показаться не вполне правдоподобными. Скажу только, что Юра — мальчик из очень далекой от советской идеологии интеллигентной семьи — в советской школе стал истинно верующим комсомольским вожаком, а через много лет, претерпев много всякого, оказался одним

В семье Райгородских Е.А., естественно, была «Катюшей». Так же вслед за родителями называл ее и Юра, и однажды, — скорее всего, летом 1946 года — я услышал от него: «Катюша приехала, она у нас». Первое, что я увидел, войдя в столовую, была очень высокая прическа женщины, сидевшей в глубоком кожаном кресле ко мне спиной. Меня представили, конечно, как «племянника Наташи».

На этом, собственно, все и закончилось. Вряд ли для Е.А. мог быть чем-то интересен по-летнему расхристаный мальчишка-старшеклассник. А уж я тем более ни сном ни духом не ведал, что через какое-то время жизнь надолго сведет меня с этой немолодой, нарядно одетой, подтянутой женщиной.

Но что-то все-таки было в Е.А., что заставило меня запомнить и этот летний день, и то, что в квартиру Райгородских мы ввалились грязные, так как до этого возились у решетки Таврического сада с починкой велосипедов, пока Ф.Д. не позвала нас из открытого окна. Возможно, то, что Е.А. явно была в приподнятом настроении. Ведь кончилась эта страшная война, она опять была в своем любимом, таком щемяще великолепном городе, с которым столько было связано; она опять видела свою дорогую Фанечку, близких людей, каких в Москве у нее не было. И сама она в той жизни, которая складывалась, явно была «на коне»: уважаемый профессор и декан в одном из самых престижных (теперь сказал бы — «элитарных») вузов страны.

Кем в действительности была эта немолодая, нарядная, оживленно разговаривавшая женщина, я начну понимать, когда через семь лет стану аспирантом Е.А. во Всесоюзном институте юридических наук, а она — навсегда моим Учителем.

* * *

В.А. Дозорцев начинает статью о Е.А. словами, которые становятся ее лейтмотивом: «Судьба была к ней сурова. Может быть, это и выковало характер, сформировало личность»¹. Это верно. Судьба не раз наносила Е.А. тяжелые удары, и хотя она переносила их стоически, следы они оставляли навсегда.

из рьяных лидеров какой-то весьма правой (по сути дела, националистической) партии в Израиле (потом, кажется, распавшейся). При этом он всегда оставался совершенно искренним и глубоко убежденным в своих идеях.

¹ Дозорцев В.А. Указ. соч. С. 182.

И все-таки то, что составляло неповторимую личность Е.А., — неповторимое сочетание убеждений, характера, знаний и поступков, — как у большинства людей, было определено ее детством и семьей.

Как пишет сама Е.А., первые шестнадцать лет ее жизни прошли «в маленьком городе Полтавской губернии». Этим маленьким городом был Кременчуг, где она родилась 28 января (16 января по старому стилю) 1888 г.¹ Город действительно был маленьким — меньше 60 тыс. жителей, но не был захолустьем. У него было прошлое: несколько сот лет существования, какое-то время даже статус губернского города, посещение императрицей Екатериной Великой. Стоял и стоит он на перекрестке крупных дорог. А главное — стоит Кременчуг на одной из самых прекрасных рек — на Днепре, по весне вливаемом даже в прибрежные улицы. И отсюда такие непривычные для иногороднего уха названия городских районов: «1-я Занасыпь», «2-я Занасыпь».

Старый, приземистый, в два-три этажа, Кременчуг, стоявший почти целиком на левом берегу, мог похвастаться немалым числом красивых каменных зданий, среди которых на одной из главных улиц была женская гимназия. Постоянное ощущение рядом большой воды, почти моря, обилие зелени, городские сады, фантастические закаты за правым берегом Днепра — все это делало город полуульным.

Полтавская губерния входила в черту оседлости, и население города было почти наполовину еврейским, в остальном — на две трети украинским.

При рождении девочку назвали Гитель, но это имя ей не нравилось, и она с детства стала называть себя Катей, а при смене эпох поменяла имя официально.

О родителях Е.А. известно мало. Абрам Петрович Флейшиц был адвокатом, а потому в небольшом Кременчуге лицом известным и видным, что объясняет и его участие в городском самоуправлении. Софья Семеновна происходила из местной состоятельной торговой фамилии, окончила гимназию. Вот и все. Но самое главное сказала о своих родителях и об отношениях в семье сама Е.А.:

«...Мое желание учиться юридическим наукам возникло... из источников, не лишенных детского курьеза, но пропитанных благородными стремлениями. Мой отец был адвокатом, и маленькими детьми мы с сест-

¹ Даты, относящиеся ко времени до перехода на новый стиль (31 января 1918 г.), далее приводятся по старому стилю.

рой знали, что «папа борется за правду». Мы постоянно слышали разговоры о необходимости добиться отмены высылки одного, оправдания судом другого, о том, что надо помочь семье арестованного третьего. Мы знали, что бывают несправедливые и жестокие судебные приговоры, горевали искренним детским горем, когда отец был печален и озабочен таким приговором, и радовались, когда «папа победил». Я обожала отца и хотела, как говорилось в детской, «толком понимать», что и как папа делает свое справедливое и трудное дело. Поэтому уже в шестом-седьмом классе гимназии я твердо решила стать юристом. Отцу это казалось немножко смешным, но не вовсе бессмысленным. Он твердо верил в силу права, за обожание платил мне ласковым вниманием к моим детским мечтам».

Наполняющая эти строки атмосфера любви и уважения, в которой росли дети в семье кременчугского адвоката, невольно ведет меня к воспоминаниям другой девочки, дочери, правда, не адвоката, а врача, в другом городе русской провинции. Городом этим был старый Вильно, девочку звали Саша, а фамилия ее отца, врача и виленского общественного деятеля, была Бруштейн. Когда Саша выросла, Александра Яковлевна Бруштейн написала одну из лучших книг для детей (а может быть, и для взрослых, которые растят детей) «Дорога уходит в даль»¹ и потом продолжила ее книгами «В рассветный час» и «Весна»². Прочтите эти книги — и вы легко представите себе детство и отрочество Кати Флейшиц. Вы увидите, как в семьях пореформенной русской интеллигенции — неважно каких кровей — вырастала молодежь, для которой главным мерилom всего, что встретится на жизненном пути, стала справедливость, а главным жизненным устремлением — борьба за то, чтобы справедливость торжествовала. И станет совершенно понятно, почему приведенные выше строки Е.А. заканчивает словами: «...И когда я в 1904 году окончила гимназию, все было ясно: я буду учиться, чтобы стать юристом».

Окончила гимназию Катя Флейшиц с золотой медалью.

Знаменитости подлинные и мнимые любят поразить поклонников, рассказывая, какими бесшабашными лодырями, а еще лучше — хулиганами, они были в школьные годы. Такое действительно случается,

¹ «Дорога уходит в даль» и две продолжающие ее повести были написаны во второй половине 50-х годов прошлого века, а их появление в печати стало одной из примет «оттепели».

² Можно только порадоваться, что теперь эти книги переиздаются в серии «Детская классика», правда, мизерными тиражами в 3000–4000 экземпляров, тогда как советские издания этих книг превышали 100 000 экземпляров каждое.

но никакой закономерности в этом нет. А вот из медалистов и хороших учеников редко вырастают бездари и никогда — лентяи. Годы хороших отметок говорят о том, что совсем юный человек научился целеустремленно трудиться изо дня в день еще тогда, когда тангенсы и котангенсы, закон Ома и спряжение французских глаголов в двенадцати временах трудно увязать с увлекающими и возвышенными мечтами о будущем.

Впитанное в гимназические годы желание работать всегда и умение посадить себя за письменный стол даже после трудного дня, даже в девять-десять вечера и до поздней ночи, Е.А. сохранила до конца дней. В гимназические годы появилась у Е.А. тоже оставшаяся навсегда уверенность: она может, а значит, должна быть первой. Честолюбие? Да, но честолюбие становится пороком тогда, когда свое первенство несправедливо достигается за счет других. А для Е.А. с тех же детских лет в словах «честолюбие» и «честность» слышался один корень.

Но девочке, да еще еврейского происхождения, золотая медаль особых перспектив не открывала.

Женщин среди присяжных поверенных в России не было. Правда, основной акт судебной реформы Александра II — Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. — содержал исчерпывающий перечень тех, кого запрещалось принимать в это сословие, и «лиц женского пола» в их числе не было. Но он разрешал принимать в сословие присяжных поверенных лиц, имеющих аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук (ст. 354). А по утвержденному тем же царем-реформатором 18 июня 1863 г. Общему уставу императорских российских университетов (как считают, самому либеральному за всю их дореволюционную историю) студентом мог стать только достигший 17-летнего возраста молодой человек (§ 85), но никак не девица. Следующий — самый мрачный из университетских уставов — Устав, изданный 23 августа 1884 г. Александром III, ничего в этом отношении не изменил.

Оставались высшие женские курсы, которых к тому времени в разных городах России было уже больше двадцати, в том числе лучшие из них — Петербургские высшие женские курсы, больше известные как «Бестужевские». Но все они, «...и Бестужевские курсы, и возникший в 1906 году в Петербурге Женский политехникум, были созданы частными лицами, на частные средства, и лишь окрепнув вопреки множеству трудностей, получили официальное полупризнание». Произошло это позднее, в значительной мере под влиянием революции 1905 г.

А пока их дипломы прав лица, имеющего высшее образование, не давали¹. К тому же на самых привлекательных женских курсах — Бестужевских в Петербурге — юридического факультета не было: он открылся только 13 мая 1906 г. Все это сыграло роль, когда было решено, что «для того, чтобы учиться праву, надо поступать в какой-нибудь университет за границей».

И было решено 16-летнюю Катю, всего один раз выезжавшую из Кременчуга на две недели к тетке в Петербург, отправить в Париж. Спустя 60 лет она напишет:

«Теперь мне все это кажется немножко странным... Но таково было время... И таковы были мои родители. Когда я с великой благодарностью вспоминаю свое детство и юные годы, я, может быть, больше всего благодарна моим родителям за две черты моего воспитания: мои родители незаметно привили своим дочерям уверенность в том, что, став взрослыми, они должны сами строить свою жизнь, прежде всего сами зарабатывать себе на жизнь, и они воспитали в нас доверие к людям...».

Трудно остановиться. Пусть читатель больше узнает о Е.А. от нее самой. А то, что она говорит, и очень просто, и безмерно важно.

«Хочу быть правильно понятой: это доверие — не прекраснодушие, а «презумпция добросовестности», без которой не может быть никакого нормального общежития. Верили мои родители и своим детям: хочет дочка учиться, — значит, будет учиться, а не заниматься какой-нибудь блажью. А если встретится на пути что-нибудь злое, дурное, скорее всего, поймет. Верили в твердость привитых дома привычек и «понятий». Поэтому им не страшно было отпускать шестнадцатилетнюю девочку в Париж. Французскому языку, как и немецкому, нас научили еще в семь-восемь лет, за что я тоже очень благодарна моим родителям».

У Софьи Семеновны была в Париже гимназическая подруга. Танечка бежала из России от суда, которому была предана за участие в студенческих беспорядках. Окончила в Париже медицинский факультет, вышла замуж и работала врачом в детской больнице. «Написали Та-

¹ С этим была связана и опасность, о которой родители сестер Флейшиц (да, вероятно, и они сами) не могли не помнить. В 1902 г. петербургский градоначальник постановил выселить из столицы еврейку Рафайлович, окончившую Бестужевские курсы, утверждая, что данное обстоятельство не дает ей право проживать вне черты еврейской оседлости. Это решение поддержали министры просвещения и внутренних дел.